

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i> Мелисса Марр и Тим Пратт	6
<i>Чтобы Машина работала вечно...</i> Кэрри Райан, перевод Алексея Осипова По рассказу Эдварда Форстера «Машина останавливается»	11
<i>Дочь короля Эльфландии</i> Чарльз Весс	46
<i>Скучно быть богиней</i> Гарт Никс, перевод Алексея Осипова По рассказу Редьярда Киплинга «Человек, который хотел быть королем»	48
<i>Веретено и дева</i> Нил Гейман, перевод Алексея Осипова По сказке «Спящая красавица»	80
<i>Золотые часы Кай Луна</i> Чарльз Весс	116
<i>Холодный Угол</i> Тим Пратт, перевод Алексея Осипова По рассказу Генри Джеймса «Веселый уголок»	118

<i>Милкара</i> Холли Блэк, перевод Анны Блейз По новелле Джозефа Шеридана ле Фаню «Кармила»	157
<i>Земляные фигуры</i> Чарльз Весс	186
<i>Сначала мы были богами</i> Рик Янси, перевод Алексея Осипова По рассказу Натаниэля Готорна «Родимое пятно»	188
<i>Сирокко</i> Мargarет Штоль, перевод Алексея Осипова По роману Горація Уолпола «Замок Отранто»	266
<i>Бритые Шагпата</i> Чарльз Весс	312
<i>Пробужденная</i> Мелисса Марр, перевод Анны Блейз По роману Кейт Шопен «Пробуждение»	314
<i>Нью-Чикаго</i> Келли Армстронг, перевод Анны Блейз По рассказу У.У. Джейкобса «Обезьянья лапа»	355
<i>Лес по ту сторону света</i> Чарльз Весс	388
<i>Сборщик душ</i> Ками Гарсия, перевод Анны Блейз По сказке братьев Гримм «Румпельштильцхен»	390

СОДЕРЖАНИЕ

Без веры, без закона, без отрады

Саладин Ахмед, *перевод* *Анны Блейз*

По поэме Эдмунда Спенсера «Королева фей» 423

Базар гоблинов

Чарльз Весс 442

На свободе

Джин Вульф, *перевод* *Александра Зайцева*

По рассказу Уильяма Сибрука «Пленный белый
оборотень из Сарабана» 444

Об авторах 469

Посвящается Нилу,
из рассуждений которого родился этот сборник.
Ты был и остаешься для меня чудесным вдохновителем
и любимым другом — и учишь меня хорошему и плохому.
М.М.

Посвящается маме и папе,
которые вырастили меня в доме, полном книг.
Т.П.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Н АШИ ПУТИ — пути составителей этого сборника — пересеклись еще до того, как мы впервые встретились друг с другом. Тим окончил факультет литературного мастерства в Северной Каролине и стал редактором и писателем. Мелисса изучала, а затем и преподавала литературу в другом университете того же штата. Собственные рассказы она начала писать на двенадцать лет позже Тима и к тому времени уже была знакома с его творчеством. Тим опубликовал ее первый рассказ. Так они познакомились и подружились: их объединила любовь к литературе малых форм и книгам вообще, а также к фэнтези и научной фантастике. Из этой общей любви и родился замысел сборника — после того как Тим сделал необычный комикс для детей на основе повести Джозефа Конрада «Сердце тьмы».

Впрочем, у нашего сборника был еще один родитель: однажды вечером в Нью-Йорке мы беседовали с Нилом Гейманом, и тот принялся рассу-

ждать о пересказе старых историй на новый лад. Точнее говоря, речь зашла о пересказе одной конкретной сказки — той самой, которая позже обрела новую жизнь в этом сборнике (хотя, возможно, сам Нил уже и не помнит, с чего все началось). Хочется надеяться, что все это — одно из тех грандиозных совпадений, которые подчас случаются с писателями: образы и произведения искусства, с которыми мы сталкиваемся в своей жизни, продолжают вертеться у нас на уме, сочетаться друг с другом и развиваться дальше. Старинные предания, народные и литературные сказки, полузабытые легенды — все это продолжает вариться у нас внутри, словно волшебное зелье в ведьмином котелке, и время от времени мы добавляем из него ложку-другую в свои собственные новые истории. Мы снова и снова влюбляемся в то, что полюбили когда-то в прошлом; мы снова и снова сражаемся с трудными и болезненными поворотами тех сюжетов, которые завораживали нас еще в детстве.

И вот мы подумали: а не предложить ли некоторым нашим любимым писателям вновь обратиться к милым их сердцу историям, но только на сей раз — не бессознательно, а с определенной целью? Мы поговорили с будущими авторами этого сборника и попросили их выбрать такие сюжеты, которые в свое время взяли их за душу, восхитили, увлекли и оставили глубокое впечатление, — а затем выварить эти сюжеты «до костей и лохмотьев», выявить в них самое главное и создать на его основе что-то новое. Получилось просто замечательно! Чтобы

оценить эти новые истории по достоинству, знакомиться с их прототипами необязательно, но если они подтолкнут вас к поискам своих литературных предков, вы не разочаруетесь.

Рик Янси в своем рассказе, превзошедшем самые смелые наши ожидания, переносит действие «Родимого пятна» Натаниэля Готорна в отдаленное будущее, где опасения, которые внушает нам наука, чудесным и пугающим образом смешиваются с благоговением перед тайной любви. Кэрри Райан увлекает читателя в будущее другого рода, в котором человечество переселилось под землю и впало в такую зависимость от технологий, до какой в реальной жизни нам еще далеко. Келли Армстронг тоже обращается к будущему, но двигателем сюжета у нее становится не технология, а магия — магия и братская любовь. По большому счету, все эти три рассказа (которые можно отнести одновременно и к жанру ужасов, и к научной фантастике) повествуют о наших человеческих слабостях и недостатках.

Истории, собранные в нашей антологии, отражают не только влияния других литературных произведений, но и личные интересы и увлечения авторов. Маргарет Штоль писала свой рассказ в период работы над сценарием фильма по роману «Прекрасные создания» и связала действие «Сирокко» с тем итальянским городком, куда приезжала в поисках творческого вдохновения. Ками Гарсия, соавтор «Прекрасных созданий», вложила в своего «Сборщика душ» память о тех годах, когда

она работала школьной учительницей в социально необеспеченном пригороде Вашингтона. Оба рассказа несут на себе печать житейского опыта, который, однако, получает совершенно неожиданное развитие и принимает восхитительно зловещие образы.

Собранные здесь рассказы весьма разнообразны по структуре и стилю, что само по себе вызывает интерес. Гарт Никс, вдохновленный Киплингом и его героями, не знающими меры в честолюбии, ведет повествование от лица рассказчика, который описывает происходившие с ним события. Но поручиться за точность этого изложения нельзя: рассказчик явно не прочь приврать. Холли Блэк преобразует Кармиллу, женщину-вампира из одноименной новеллы Шеридана ле Фаню, в бессмертную, но вполне современную девочку-подростка, пытающуюся сражаться с собственной природой. В результате ее рассказ принимает форму глубоко эмоциональной исповеди. Саладин Ахмед дает слово сарацинам, оклеветанным и окарикатуренным в «Королеве фей», и использует в собственных целях образы и ритмы этого прототипа всей эпической фэнтези.

Джин Вульф в своем сиквеле к рассказу Уильяма Сибрука повествует о причудливых и страшных последствиях, к которым ведут дикарство и бесчеловечность. Еще несколько авторов также обращаются к необычным для себя стилистическим приемам — и всегда с самыми замечательными результатами.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Составители тоже включили в сборник свои работы. Не сговариваясь, оба они обратились к теме американского Юга: Тим Пратт, уроженец Северной Каролины, привносит южный колорит в свою переработку рассказа Генри Джеймса, а Мелисса Марр, напротив, окрашивает традиционный для Юга сюжет в шотландские тона.

Надеемся, что плоды наших трудов придутся вам по вкусу.

Мелисса Марр и Тим Пратт

Кэрри Райан

Чтобы Машина работала вечно...

Только в самом низу лестницы до Тавила доходит, что сестры позади нет. Он устремляет взгляд вверх, в узкий тоннель, ведущий на поверхность, ожидая увидеть ее где-нибудь там, но видит лишь тьму, увенчанную круглой шапочкой ярких звезд.

— Прия!

Голос его неестественным эхом прыгает меж металлических стен колодца. К такой звуковой клаустрофобии он совсем не привык: там, где обитает Тавил, звукам хватает места развернуться.

Сестра не отвечает. Хоть бы голову высунула над закраиной трубы, сказала какую-нибудь гадость или просто показала, что она еще там. Тавил колеблется: может, стоит вернуться наверх? Может, Прия испугалась? Он глядит вниз. Там, совсем недалеко, резкий свет выхватывает из тьмы последнюю ступеньку лестницы, за которую цепляются его гибкие подошвы. Один прыжок с небольшой высоты, и он весь окажется Внизу. Какой-то жужжащий звук под-

нимается оттуда и проникает, кажется, в самые кости. Даже кровь в жилах принимается вибрировать в унисон.

Как же легко зачаровывает звук — самая его механичность уже погружает в транс. Словно биение сердца, словно сам этот мир, а не только какие-то его внутренние детали — весь сплошь живой. Мысль эта одновременно и пугает, и влечет Тавила. По природе своей (вернее, как раз по недостатку природы) подземный мир Машины отвратителен. В мире Тавила, Верхнем мире, — это непреложный факт.

И как раз это делает приключение невероятно притягательным: Тавил не верит в непреложное. Он хочет сам, своими глазами, увидеть Машину до ее неизбежной гибели.

Тавил отпустил ступеньку и дал себе упасть в искусственный свет. К нему тут же с ревом ринулось металлическое чудовище; он едва успел распластаться по стене, хватая ртом воздух. Даже и так расстояние от его ребер до бока монстра оказалось меньше ладони. Рубашка неистово хлопала в потоке ветра с тяжелым «ВВУМ, ВВУМ, ВВУМ», проносившегося мимо, пока тварь наконец не исчезла вдаль, за поворотом рельсов, оставив после себя идеальную тишину, нарушаемую только немолчным гудением Машины да тяжелым дыханием Тавила.

Тавил безотчетно дрожал, каждая клеточка его тела словно корчилась на углях от пережитого

